

Лада Ковальчук

Рецензия на: *Кравцова Е. С. Францисканский орден: от апостольского движения к ученой корпорации (Франция, XIII в.). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. 320 с.*

Мир исчезает. <...> Не в силах выбрать,
я снова иду к его сокровищам,
я еще раз пытаюсь что-нибудь
быстро выбрать и не могу.

Шарль Фердинанд Рамю «Смерть повсюду»

Изыскания в области средневековой истории францисканства в отечественной науке, не считая значимых достижений исследователей рубежа XIX–XX вв.¹, носят фрагментарный характер и в лучшем случае попутно включены в разработку той или иной проблематики истории Средневековья². Медиевист Елена Сергеевна Кравцова³ своей книгой нарушает долгое молчание, помещая при этом историю ранних францисканцев в весьма нетривиальный контекст.

Точнее, в череду контекстов. Автора занимают сразу несколько направлений исторической науки, главные из которых — интеллектуальная⁴ и социально-политическая история. Е. С. Кравцова реконструирует обстоятельства интеграции францисканцев в Парижский университет и их деятельность при дворе Капетингов в период административных реформ во Франции XIII в. Оба сюжета неплохо изучены в отдельности, однако в книге Е. С. Кравцовой они служат одной общей цели: проследить трансформацию сообщества ранних последователей св. Франциска в монашеский орден католической церкви.

Программа книги определила и ее структуру. Первая часть целиком отведена анализу житийной литературы о Франциске

1. Прежде всего см.: *Карсавин Л. П.* 1) Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков. СПб., 1912; 2) Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках преимущественно в Италии. СПб., 1915; *Бицилли П. М.* 1) Салимбене. Очерки итальянской жизни XIII века. Одесса, 1913; 2) Св. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006. С. 533–549 (первое издание: 1927 г.).
2. Более оптимистично ситуация складывалась с публикацией и переводом францисканских текстов. Вот некоторые из них: *Бонавентура*. Путеводитель души к Богу. М., 1993; *Франциск Ассизский*. Сочинения. М., 1995. Т. 1; Истоки францисканства. Ассизи, 1996; *Салимбене де Адам*. Хроника. М., 2004.
3. В основу книги легла диссертация автора: *Кравцова Е. С.* Францисканский орден во Франции в XIII веке: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010.
4. За редкими исключениями, Е. С. Кравцова не касается проблематики истории идей, а сосредотачивается именно на социокультурных и институциональных аспектах интеллектуальной истории.

и реконструкции представлений ранних францисканцев об организации братства и последующей его институционализации. Это нелегкая задача, особенно если учесть динамику и подвижность настроений внутри ордена в первые десятилетия после смерти основателя, когда и были написаны изучаемые автором жития. В последующих частях книги, по замыслу автора, францисканцы оказываются в зеркале самих себя. Даже в «зазеркалье»: для анализа автор избрала как утвержденные папой биографии, так и сочинения спиритуалов, стоящие «по ту сторону» официального образа⁵. В основу второй части легли самые разнообразные источники (дипломатические акты, полемические тексты, исторические хроники и богословские трактаты), отражающие особенности конфликта парижских профессоров и ученых мендикантов. В третьей части автор реконструирует обстоятельства службы францисканских следователей (*enquêteurs*) в королевской администрации Людовика IX и во владениях графа Альфонса де Пуатье.

Францисканцы и доминиканцы, действительно, были тесно связаны с Римской курией. Это наглядно иллюстрируется десятками папских булл. Подвижников из числа мендикантов охотно канонизировали уже на этапе оформления орденов, а в конце XIII столетия францисканец взошел на папский престол. Проблема институционализации францисканского братства, проведенной римскими понтификами XIII в., занимает историков уже давно и стала едва ли не базисной чертой всякого научного обращения к ранней истории францисканства⁶. Однако думается, что такой взгляд на историю францисканцев, равно как и всякое устоявшееся представление, включает в себе опасность навязывания фактам разного происхождения схожую трактовку, даже при условии, что «круг выбранных источников является вполне репрезентативным» (с. 13). Тезис о том, что папская идеология существенно скорректировала изначальные идеи Франциска, безусловно, справедлив и основывается на прочном фундаменте соответствующих документов. Вместе

5. Речь идет о двух первых житиях Франциска, составленных Фомой Челанским («*Vita prima*» и «*Vita secunda*»), и «Большой легенде» (*Legenda maior*) Бонавентуры. Маргинальная линия францисканской агиографии в книге Е. С. Кравцовой представлена анонимной «Легендой трех товарищей» (*Legenda trium sociorum*) и трактатом «Древо распятой жизни Иисуса Христа» (*Arbor vitae crucifixiae Jesu Christi*) Убертино да Казале. В свете характеристики францисканской агиографии крайне ненадежной кажется отсылка к статье 1930 г. (с. 44, сн. 6). В качестве вводного обзора житийной традиции францисканцев см., например: *Blastic M. W. Francis and His Hagiographical Tradition // The Cambridge Companion to Francis of Assisi*. Cambridge, 2012. P. 68–84.

6. Близость св. Доминика к курии будоражила умы уже средневековых историографов. В 1222 г. доминиканцы заняли конвент базилики Санта-Сабина в Риме и близстоящие *domos*. В анонимной доминиканской хронике XV в. сообщается, что Гонорий III, в миру Ченчио Савелли, даровал Доминику часть (*una parte*) дворца на Авентине, принадлежавшего роду Савелли. Поздние авторы дополняют историю деталями о том, как святой принял дар и даже некоторое время жил во дворце с папой и кардиналами. См.: *Barclay Lloyd J. Medieval Dominican Architecture at Santa Sabina in Rome*, с. 1219 – с. 1320 // *Papers of the British School at Rome*. 2004. Vol. 72. P. 243.

с тем именно эта исследовательская парадигма невольно сформировала известный историографический миф о францисканской безграмотности. Современная переоценка этого взгляда позволяет высказать неожиданные выводы даже о своеобразной «учености» самого Франциска⁷.

Дело в том, что, осознав степень влияния Римской курии на формирование францисканского ордена, историки начала XX в., прежде всего П. Сабатье⁸, сформулировали весьма устойчивую историографическую тенденцию. Ее суть сводилась к изучению ранней истории францисканцев сквозь призму конфликта «обсервантов» и «конвентуалов», что справедливо отмечает Е. С. Кравцова (с. 37). Как кажется, столь принципиальная схема исключает иные способы и мотивы трансляции образа святого, не связанные с проекцией прагматической программы Рима и противостоящей ей спиритуальной реакцией. И в этом смысле искомая полнота и репрезентативность собственно агиографического нарратива (с. 30–31) лимитирована теми же исходными посылами. Рассматривая францисканский орден как сообщество, состоявшееся в таком качестве именно усилиями понтификов (с. 262)⁹, Е. С. Кравцова упускает из виду еще одну ветвь францисканской саморефлексии. Не так давно обнаруженное и критически изданное Ж. Далареном жизнеописание Франциска¹⁰, судя по всему, было составлено по заказу брата Или Кортонского и именно для формирования внутренней, корпоративной *memoria*¹¹.

Отдельно следует сказать о некоторых частных спорных моментах в построениях и стиле изложения автора. Экскурс в историю западного монашества Высокого Средневековья (с. 50–55) написан сбивчиво и тенденциозно, с сильной ориентацией на историографию имперского монашества эпохи Каролингов. Заметны некоторое влияние работы Н. Ф. Ускова. «Литература по церковным реформам необозрима» (с. 91), но не только ей посвящен библиографический обзор Дж. Кон-

7. О работе Франциска с текстом Писания см., например: *Vauchez A. Francis of Assisi. The Life and Afterlife of a Medieval Saint*. New Haven; London, 2012. P. 261–270. «Буквоедство» Франциска отмечал и Карсавин: *Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности*. С. 53. Равным образом искажение идеала францисканской бедности (*paupertas*) отнюдь не всегда было спровоцировано папством: уже на ранних этапах у францисканцев были весьма влиятельные покровители, начиная с Симоне ди Пуччарелло, который почтил память святого весьма «материальным» дарением. Речь о знаменитом «Адском холме» (*Colle d'Inferno*) за городскими стенами Ассизи, где была воздвигнута базилика Сан-Франческо.

8. О Сабатье и инициированной им дискуссии см.: *Bischof F. X. Der Stand der «Franziskanische Frage» // Franziskus von Assisi. Das Bild des Heiligen aus Neuer Sicht*. Köln, 2005. S. 1–17.

9. Эта мысль так или иначе появляется на протяжении всей книги. Отчасти это связано с нескрываемой симпатией автора к позиции С. А. Котляревского. Магистерская диссертация 1901 г. («Францисканский орден и римская курия в XIII и XIV веках») стала первой и последней его работой по средневековой истории, а в дальнейшем его научные занятия лежали в области конституционного права. Его труд подчас предлагает тенденциозные и политизированные взгляды на природу взаимоотношений папства и францисканцев: их деятельность рассматривается исключительно как «орудие борьбы» на пути к усилению политического могущества Римской курии.

10. *Dalarun J. Thome Celanensis. Vita beata patris nostri Francisci (Vita brevior). Présentation et édition critique // Analecta Bollandiana*. 2015. Vol. 133. № 1. P. 35–86. Также см. раздел на сайте Института изучения истории текстов (IRHT) с периодически пополняемой библиографией. URL: <https://irht.hypotheses.org/961> (дата обращения: 1.08.2018).

11 >

стебла¹², на который в идентичной формулировке указывает Усков применительно к исследованиям по истории западного монашества в целом¹³. Здесь же (с. 91, сн. 2) автор приводит список исследователей т.н. фрайбургско-мюнстерской школы, но не указывает ни названия их работ, ни даже имена¹⁴. Подобные небрежности в работе с исследовательской литературой, не исчерпывающиеся этим эпизодом, возможно, были бы не так заметны и тревожны, если бы введение не анонсировало «обстоятельный историографический экскурс» (с. 13).

Повествование и расстановка акцентов не всегда сбалансированы. Например, поверхностно дана «общая характеристика» религиозности накануне францисканства (с. 49–55). Многократное обращение к концепции Иоахима Флорского повторяет многочисленные энциклопедические статьи о нем (с. 211), но не предлагает оригинального взгляда в контексте интересующих автора исследовательских проблем. Равным образом автор многократно подчеркивает (например, с. 56), что вторая версия «Устава» ордена (*Regula bullata*) несет в себе следы весомых искажений первоначального «Первого» (*Regula non bullata*), но ни разу читатель не встретит сколько-нибудь подробного анализа двух текстов и выяснения того, какие аспекты в конечном итоге оказались скорректированными. Спиритуальная ветвь ордена также описана пунктирно, при этом автор без какой-либо рефлексии вторит существующей схематичной классификации спиритуальных движений и их вдохновителей¹⁵. В числе источников «Древа распятой жизни» францисканца Убертино да Казале автор упоминает «Большую легенду» и «Древо жизни» Бонавентуры (с. 35, 128), но герменевтики в этом разделе, как кажется, недостаточно, и многое осталось едва намеченным. Трактату Убертино да Казале в общей сложности посвящено несколько страниц (с. 34–35, 87–89, 127–129). Критическая часть уместилась в одну страницу, где и высказаны наблюдения о том радикальном отождествлении

< 11. *Dalarun J.* The New Francis in the Rediscovered Life (*Vita brevior*) of Thomas of Celano // *Ordo et Sanctitas: The Franciscan Spiritual Journey in Theology and Hagiography*. Leiden; Boston, 2017. P. 33.

12. *Constable G.* Medieval Monasticism: a Selected Bibliography. Toronto, 1976.

13. *Усков Н. Ф.* Христианство и монашество в Западной Европе раннего Средневековья. СПб., 2001. С. 24.

14. Впрочем, обнаружить их можно в: Там же. С. 38–40.

15. Ср. с. 87 с: *Карсавин Л. П.* Монашество в Средние века. М., 2012. С. 163–164.

Франциска и Христа в «Древе» Убертино да Казале, против которого выступал св. Бонавентура (с. 118, 212)¹⁶.

Хаймо де Фавершам — не только один из создателей францисканской ученой корпорации (с. 65). Он особенно знаменит систематизацией Бревиария Римской церкви, предпринятой им по поручению Григория IX¹⁷. Илие Кортонскому папа доверил строительство базилики Сан-Франческо в Ассизи, куда в 1230 г. были перенесены мощи святого. Автор полагает, что это способствовало обострению конфликта внутри ордена, поскольку ревнителей устава смущала перспектива обладания «феодалной собственностью» (с. 57). Обстоятельства переноса мощей Франциска крайне запутаны, но раннефранцисканская полемика вокруг этого события ярче развивалась в ином русле: на волне общественных опасений и участвовавших в Умбриии похищений мощей некоторые поздние сочинители обвиняли брата Илию в самовольном сокрытии мощей святого¹⁸. Сцена отречения Франциска (с. 106–107, 110, 124) может быть истолкована в чуть более «перформативном» русле¹⁹. И здесь не обойтись без обращения к богатой иконографии этого и других сюжетов истории Франциска²⁰. Символизм этого акта, возможно, лучше может быть понят вне текстуальности, и именно с учетом визуальных образов более весомыми становятся искажения в письменной традиции. Вслед за Бонавентурой автор не так много внимания уделяет епископу Гвидо II, который оказался симптоматично забытым в контексте одобрения образа жизни Франциска (*propositum vitae*) Иннокентием III в 1209 г.²¹ (с. 55, 59, 76, 83).

Преждевременным ходом Е. С. Кравцовой кажется вынесенное в заглавие первой части условное обозначение «Благочестивая легенда» применительно к корпусу агиографической литературы о св. Франциске. Неподготовленного читателя это может попросту сбить с толку, а мало-мальски знакомого с францисканской житийной традицией — удивить, ведь, пускай и намеренно, автор составила весьма специфический

16. У Бонавентуры Франциск — подражатель не столько Христу, сколько святым и мученикам (LM 9). Истоки *imitatio Christi*, хотя и менее эксплицитно, обнаруживаются уже в творениях самого Франциска, прежде всего в «Службе страстям Господним» (*Officium passionis Domini*).

17. Van Dijk S. J. P., Hazelden Walker J. The Origins of the Modern Roman Liturgy. The Liturgy of the Papal Court and the Franciscan Order in the Thirteenth Century. London, 1960. P. 280–292.

18. Cooper D. «In loco tutissimo et firmissimo»: The Tomb of St. Francis in History, Legend and Art // The Art of the Franciscan Order in Italy. Leiden, 2004. P. 4–12.

19. О перспективах «перформативного поворота» в изучении средневековых проповедей в целом см.: Kienzly B. M. Medieval Sermons and their Performance: Theory and Record // Preacher, Sermon and Audience. Boston; Leiden, 2002. P. 89–124. О характере проповеди Франциска: Manselli R. Il gesto come predicazione per san Francesco d'Assisi // Collectanea Franciscana. 1981. Vol. 51. P. 5–16. О сцене отречения Франциска: Thompson A. Francis of Assisi. A New Biography. Ithaca; London, 2012. P. 184–185; Benelli F. The Architecture in Giotto's Paintings. New York, 2012. P. 18–22, 126–132.

20. Некоторые классические труды о францисканской иконографии: Beltz H. Die Oberkirche von San Francesco in Assisi. Ihre Dekoration als Aufgabe und die Genese einer neuen Wandmalerei. Berlin, 1977; Krüger K. Der frühe Bildkult des Franziskus in Italien. Gestalt und Funktionswandel des Tafelbildes im 13. und 14. Jahrhundert. Berlin, 1992; Frugoni C. Francesco e l'invenzione delle stimmate. Una storia per parole e per immagini fino a Bonaventura e Giotto. Torino, 1993.

21. О епископе Гвидо II Ассизском см.: Robson M. St. Francis of Assisi. The Legend and the Life. London; New York, 1997. P. 31–56, особенно 38–40.

комплекс биографий: он не учитывает многочисленные раннефранцисканские «апокрифы» (с. 31–35). Опущены и литургические легенды в память о Франциске: «Легенда для чтения в хоре» (*Legenda ad usum chori*), чье авторство до недавнего времени приписывалось Фоме Челанскому²², и служба, составленная Юлианом де Спино (*Officium rhythmicum Sancti Francisci*). Она пригодилась бы автору при сопоставлении рассказов о стигматах (с. 118–119). Невнимание Е. С. Кравцовой к этим памятникам тем более странно, что полемика вокруг атрибуции богослужебных легенд не ослабевает уже несколько десятилетий, а многие дискуссионные вопросы до сих пор не получили однозначной интерпретации, затрагивая, конечно, и агиографический материал. Это подтверждается и оживленной издательской работой в этом направлении²³.

Очень непривычно выглядит термин «потестология»²⁴ (с. 19, 243), особенно если учесть масштаб как зарубежных, так и отечественных наработок в области средневековых моделей репрезентации власти и связанного с этим символизма мышления и действий²⁵. Предложенное Е. С. Кравцовой понятие, возможно, было бы более уместным в контексте изучения власти, истории властных институтов или государственности в целом. Однако автор подразумевает именно то исследовательское направление, которое уделяет внимание преимущественно политико-символическим коммуникациям в Средние века. Недаром в ряду корифеев изучения политических ритуалов Е. С. Кравцова называет М. Блока, Э. Канторовича, П. Э. Шрамма и М. А. Бойцова (с. 243). И далее: М. Фуко и Ф. Бюк, полагает автор, обращаются к изучению ритуалов и репрезентаций власти «во времени короткой протяженности», с чем тоже трудно согласиться. Список авторов, по меньшей мере, неполный. Например, не учтены современные школы изучения политического символизма и труды немецких историков второй половины XX в. (А. Ангенендт, Й. Фрид, Б. Шнайдемюллер и др.). При этом важно, что позиции исследователей зачастую

22. Ф. Седда убедительно показывает принципиальные лексические отличия текста легенды от других сочинений Фомы Челанского: *Sedda F., Rava E. Sulle tracce dell'autore della «Legenda ad usum chori beati Francisci». Analisi lessicografica e ipotesi di attribuzione // Archivum Latinitatis Medii Aevi. 2011. Vol. 69. P. 107–75.*

23. См., например, переиздание агиографического корпуса под редакцией К. Леонарди: *La letteratura francescana. Vol. II. Le vite antiche di san Francesco. Milano, 2005.* И жизнеописаний для богослужебного использования: *Fonti liturgiche francescane. L'immagine di san Francesco nei testi liturgici del XIII secolo. Padova, 2015; Franciscus liturgicus. Editio fontium saeculi XIII. Padova, 2015.*

24. Схожее словоупотребление встречается в: *Цатурова С. К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М., 2012. С. 14.*

25. Понятие «символической коммуникации» развивал Г. Альтхоф. См.: *Althoff G. Zur Bedeutung symbolischer Kommunikation für das Verständnis des Mittelalter // Frühmittelalterliche Studien. 1997. Bd. 31. S. 370–389.* Политический символизм активно изучался в рамках междисциплинарного исследовательского проекта «Динамика ритуала» при Гейдельбергском университете. URL: <http://www.ritualdynamik.de/index.php?id=4&L=0> (дата обращения: 1.08.2018). В отечественной историографии принято обозначение «потестарная имагология». См.: *Бойцов М. А. Что такое потестарная имагология? // Власть и образ. Очерки потестарной имагологии. СПб., 2010. С. 5–37.* В 2011 г. в Москве прошла международная конференция, посвященная семантике и социально-политическим функциям даров в Средние века и ранее Новое время. Итогом дискуссии стало издание коллективного труда: *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе. 1000–1700 гг. М., 2016.*

оказываются прямо противоположными как в решении частных проблем, так и с точки зрения избранной ими методологии. В этой связи условное разделение «потестарных» штудий на два направления кажется существенным искажением. Требует обоснования и столь прямая преемственность, проводимая Е. С. Кравцовой между классиками, первыми обратившимися к проблемам сакрализации средневековой власти, и М. А. Бойцовым.

Возможно, раздел о францисканцах в Парижском университете выиграл бы от меньшей ориентации автора на труды предшественников, ставшие уже классическими, если не устаревшими, то нуждающиеся в определенной ревизии (с. 144–151). Интеллектуальная история — одно из самых развивающихся направлений францискановедения. Например, в 2017 г. в Королевском колледже Лондона возникла исследовательская группа, которая занимается богословской традицией францисканцев, заложенной Александром Гэльским и его соратниками²⁶. В рамках проекта особенно пристально изучается «Сумма брата Александра» (*Summa Halensis*). Итогом масштабной текстологической и аналитической работы с текстом «Суммы» должно стать ее критическое переиздание и первое электронное издание с различными функциями внутритекстового поиска. Впрочем, привлекательные выводы о неоднозначности рецепции учения Августина в среде раннефранцисканских интеллектуалов сделаны уже сейчас, что позволяет нюансировать представления о новаторстве и традиционализме францисканских теологов (с. 170–172, 210–214)²⁷.

Думается, что третья часть книги получилась наиболее удачной и взвешенной по своим исходным положениям и выводам, а привлеченные свидетельства мало знакомы не только широкой публике, но могут быть в новинку и тем, кто интересуется средневековым францисканством более специально. Кроме того, автору удалось выявить интереснейшее измерение коммуникации францисканцев и доминиканцев с институциональной власти в апанаже графа Альфонса де Пуатье.

26. Проект «Традиция и новаторство в раннефранцисканской мысли» (*Authority and Innovation in Early Franciscan Thought* (с. 1220–45)) объединил специалистов из разных стран, их публикации и изучаемые темы см. на сайте. URL: <https://www.earlyfranciscans.com/staff> (дата обращения: 1.08.2018).

27. Schumacher L. *The Early Franciscan Doctrine of the Knowledge of God: Between Augustine's Authority and Innovation* // *The Mediaeval Journal*. 2016. Vol. 6. №1. P. 1–29. Францисканской учености посвящена еще одна относительно новая работа, суммирующая и уточняющая взгляды предшественников: Şenocak N. *The Poor and the Perfect: The Rise of Learning in the Franciscan Order, 1209–1310*. Ithaca, London, 2012. См. также сборник серии «Средневековые францисканцы»: *Franciscan Learning, Preaching and Mission c. 1220–1650: Cum scientia sit donum Dei, armatura ad defendendam sanctam Fidem catholicam...* Leiden; Boston, 2014.

Монахи обладали немалыми полномочиями в расследованиях преступлений, совершенных жителями Оверни. Корень и одновременно *sine qua non* этой парадоксальной на первый взгляд иерархии («перевернутая власть») Е. С. Кравцова обнаруживает в «Уставе» францисканцев и авторитете обета послушания (*obedientia*)²⁸. Однако мысль о том, что этот принцип был заложен уже самим Франциском (с. 258), кажется поспешной и не выдерживающей критики. Подобная эволюция понятия послушания может быть трактована как пример уловки и манипуляции значением, предпринятой руководством ордена для обоснования судебных прерогатив братьев. Апелляция к послушанию делала возможным расследование преступлений, совершенных клириками, при этом иерархический порядок формально не нарушался: *младшие* братья (*minores*) подчеркнута не претендовали на господство над духовенством.

Как кажется, в третьей части книги затронута и проблема более широкого порядка, а именно практика заимствования «духовных компетенций» францисканцев представителями светской власти. По всей видимости, францисканский образ жизни был чрезвычайно востребован и привлекателен не только для французского короля и его биографов (с. 264). Известны самые разнообразные схемы намеренного и случайного копирования атрибутов францисканской религиозности. Так, булла Григория IX «*Quia confusio*» предписывала ношение францисканского облачения только членам ордена²⁹, а к концу XIII в. архитектурные формы францисканского зодчества заимствовались при строительстве приходских церквей и кафедральных соборов³⁰.

Что касается издания книги, то тексту недостает корректуры. Ошибки в правописании (вероятно, появившиеся при верстке) не единожды встречаются в основном блоке; опечатка вкратце и на контритул. Наконец, немало вопросов вызывает манера обозначения францисканского ордена как «*Ordo Fratrum Minorum*». Это, вероятно, является изобретением редактора,

28. Наивно выглядит тезис о том, что для францисканцев принцип послушания был особенно важен, поскольку в «Уставе» ему посвящалась «отдельная глава» (с. 275).

29. Röhrkasten J. Reality and Symbolic Meaning Among the Early Franciscans // Self-Representation of Medieval Religious Communities. Münster, 2009. P. 34.

30. Schenkluhn W. Architektur der Bettelorden. Die Baukunst der Dominikaner und Franziskaner in Europa. Darmstadt, 2000. S. 207.

поскольку в других своих публикациях Е. С. Кравцова придерживается более обыденных форм. Использование английских двойных кавычек для латинских наименований и терминов также не вполне оправдано (с. 213, 241 и др.). Латинский оригинал в скобках, сопровождающий помещенный в кавычки русский перевод, допустимо приводить без дополнительных кавычек (например, на с. 141). Встречаются ошибки в транскрипции имен зарубежных специалистов, самая досадная из которых досталась Кьяре Фругони («Ч. Фругони», с. 264), тогда как она является одним из крупнейших знатоков ранней истории францисканства. По какой-то причине автор систематически ссылается на издание русскоязычного перевода писаний Франциска как на латинский оригинал (например, с. 93, сн. 16–18). Иногда встречаются ни с чем не соотносимые сноски (с. 91, сн. 3) и попросту несогласованные предложения, как, например, последнее на с. 49.

Главным достижением книги является доказательство того, что францисканцы на пути к корпорации зачастую были весьма самодостаточны, а успех их деятельности не всегда был обусловлен покровительством папства, особенно начиная со второй половины XIII в. И в этом смысле автор несколько отходит от доминировавшей продолжительное время историографической максимы, отзвуки которой отчасти слышны как во введении, так и в выборе источников для первой части книги. Если для развития францисканской учености влияние спиритуального движения было ощутимым, то участие францисканцев в административном аппарате Французского королевства весьма косвенно связано с идеологическим расколом в ордене. Во всяком случае нельзя отрицать значение изначально присущей Франциску и францисканцам ориентированности на публичность. Но и в этом случае широкие обобщения касательно пресловутого францисканского отказа от принципа *stabilitas loci* следует формулировать с большой осторожностью. О том, насколько францисканцы в конечном счете оказывались «зам-

кнутыми» в рамках собственного стремления быть на виду у всего мира, свидетельствуют францисканские алтарные преграды. Архитектонически и функционально эти конструкции, представляющие собой монументальные стены, пересекающие центральный и боковые нефы, мало общего имели с, на первый взгляд, родственной им типологией темплона или леттнера. По сути, они создавали физическое и умозрительное (в толкованиях литургии) условия для тотального ограничения францисканских монахов от прихожан³¹.

Книга является и хорошим подтверждением того, что историографическая редукция во францискановедческих штудиях является делом едва ли не более ответственным и сложным, чем критика свидетельств, оставленных средневековыми францисканцами. Все приведенные в настоящей рецензии примеры и доводы отчасти спорят с позицией автора, а в чем-то ее подтверждают и продолжают, но главная их цель не в этом. Они призваны показать, что *антиномичность* францисканцев (Карсавин) и противоречивость францисканской истории сами по себе задают условия для многозначности трактовок и многообразия ракурсов исследования различных проблем, но никак не для следования за авторитетом исследовательских веяний и тенденций, даже если они оказываются господствующими.

Ковальчук Лада Игоревна

Аспирантка исторического факультета, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
ladakovalchuk@yandex.ru

Lada Kovalchuk

Post-graduate Student of the Faculty of History, Lomonosov Moscow State University
ladakovalchuk@yandex.ru

31. Об этом см., например.: Hall M. B. The Ponte in S. Maria Novella. The Problem of the Rood Screen in Italy // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. 1974. Vol. 37. P. 157–173; Jung J. E. Beyond the Barrier. The Unifying Role of the Choir Screen in Gothic Churches // The Art Bulletin. 2000. Vol. 82. P. 622–657. Об этой и других моделях ограничения хора и братии см.: Cooper D. Franciscan Choir Enclosures and The Function of Double-Sided Altarpieces in Pre-Trecentine Umbria // Journal of the Warburg and Courtauld Institute. 2001. Vol. 64. P. 1–54.